Владислав Пасечник

МОДЭ

повесть и рассказы

Серия «Самое время!»

Год двести восьмой до Рождества Христова. В Великой степи разгорается борьба двух воинственных народов — хунну и юэчжи. Равновесие нарушается, когда в игру вступает жесткий и расчетливый Модэ, наследник престола хунну. Ведомый загадочной силой, Модэ стремится изменить судьбу своего народа. Юэчжи грозит полное истребление, и только братство Молодых волков способно противостоять надвигающейся беде. В прозе Владислава Пасечника реальность переплетается с мифом, история — с вымыслом. Мир прошлого в его рассказах как бы «живет по соседству», кажется, к нему можно прикоснуться, стоит лишь протянуть руку.

«Пасечник великолепно владеет словом, пишет — как рисует... Эмоции, эпоху, характеры» *(Эдуард Успенский).*

Яков Шехтер

В ЗАЩИТУ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Белый грифон летит. Над бескрайнею степью летит. Парит старый седой грифон над курганами умерших богов, беспощадными батырами, кровожадными царями, оборотнями-перевертышами с огненными глазами, беловолосым великаном в страшной маске, сломя голову скачущем на рогатом коне.

«Весь мир от края до края — это рыжая степь с ломкой, сухой травой и солеными озерцами» и много в ней встречается странного и опасного люда. Такой представляется Поднебесная героям повести «Модэ». И туда, в этот мир, от одного его предела — черной реки без берегов, до другого — бездонной пропасти, уверенно и властно ведет нас писатель Владислав Пасечник.

А рядом с живой, щедро выписанной степью существует другая, серая степь — царство между царствами, жизнь между жизнями. Эти жизни и царства по ходу повествования все туже переплетаются между собой, да так, что под конец уже почти невозможно провести разделяющую грань, отличить одно от другого. Читатель уходит в этот мир до самой макушки, тонет в нем, как тонет свалившаяся в бурную реку лошадь. Придуманная писателем реальность «мерцает и переливается», становясь столь явной, что ее почти можно потрогать руками.

В лекции «О хороших читателях и хороших писателях» Владимир Набоков пишет:

«Литература родилась не в тот день, когда из неандертальской долины с криком “Волк, волк!” — выбежал мальчик, а следом и сам серый волк, дышащий ему в затылок; литература родилась в тот день, когда мальчик прибежал с криком: “Волк, волк!”, а волка за ним и не было... Глядите: между настоящим волком и волком в небылице что-то мерцает и переливается. Этот мерцающий промежуток и есть литература».

Повесть «Модэ» позволяет человеку, утомленному несправедливостью нашего бытия, трудной и отнимающей силы работой, свинцово отягощающими жизнь неурядицами, перенестись в иной мир. Там насмерть бьются с захватчиками, прислушиваются к посвисту вражеских стрел, вдыхают дым костров на кочевьях, воюют с колдунами и оборотнями — словом делают то, чем начисто обделен

житель современного мегаполиса. Владислав Пасечник сочно рассказывает о далекой стране, в которой никто никогда не жил. Придуманный им волк весьма натурально щелкает зубами, а убегающий от него мальчик кричит столь пронзительно, что впору затыкать уши.

Будет правильным и справедливым издать роман «Модэ», дабы позволить читателю, вытащив из портфеля книгу, за секунду перенестись из грохочущего вагона метро в пространство звенящего тумана, услышать, как скрипят колеса, увидеть связанного богатыря на полу кибитки, а напротив него бесчувственно покачивающуюся голову князя, круглую, рыхлую, с обвислыми усами…

МОДЭ

Повесть
с интермедиями

Тени у костра смешивались и прыгали, ветер разносил над степью тревожный горький дух. Сделалось холодно. Люди жались поближе к костру, поднимая теплые вороты.

— Проклятые холмы… — говорил один, нахохлившийся возле огня, словно старый ворон. — Верно вам говорю, юэчжи эти не люди, а оборотни… неделю назад я видел странного всадника вдали… он был огромного роста и ехал не на коне, а на рогатом звере. Зверь страшный — ростом выше коня, и рога у него, как у тура. Вот что я думаю — это древний бог спустился с гор за нашими жизнями.

— Ненавижу юэчжи, — заговорил другой, тот, что сидел ближе к лошадям. — На кой нам эти курганы? Здесь ветер, кажется, еще холоднее, чем в нашей пустоши. Думаю, нашему темнику здесь тоже не по душе.

— Смеешься? — фыркнул первый. — Модэ ненавидит юэчжи почти так же сильно, как… как своего отца!

Одна из лошадей прекратила сонно жевать траву и глухо всхрапнула.

Возле костра наступила тишина.

— Вроде почуяли что-то… — неуверенно протянул кто-то третий.

— Волки… здесь волков много, — хмыкнул первый, поворачиваясь к остальным боком. — А вы видели, кого Модэ приблизил к себе?

— Курганника, Караша…

— Известные головорезы…

— Именно. И еще кое-кого. Всего двенадцать человек. Они теперь у него вроде телохранителей. Только знаете что? На самом-то деле никакие они не телохранители. Для другого нужны эти кровопийцы. Каждый носит черный шерстяной плащ, у каждого волчий череп на упряжи. Думаете, зачем это?

— Зачем? — хором спросили все.

— Это знак. Тайный знак. Скоро будет такое, что немногие из нас сохранят голову на плечах. Вот что я слышал: из всего тумена Модэ выбрал сотню стрелков — самых метких и злобных. Были и такие, рядом с которыми Курганник ваш — просто ягненок. Он кормил их и жаловал больше, чем остальных. А потом вывел подальше в степь, поставил перед ними своего аргамака и сказал: стреляйте туда, куда выстрелю я. И выстрелил в того аргамака. А стрела у него была с костяным свистком. Полетела, засвистела да и

вонзилась в землю рядом с конем. Не все выстрелили — пожалели коня. Этих Модэ сразу и казнил. На другой день вывел он оставшихся в степь. На сей раз поставил перед ними лучшую из своих наложниц. Каждый мужчина желал бы обладать этой женщиной, рассказывают, что бедра у нее были пышные, как у девок-юэчжи, которых мы продаем в Поднебесную. Кто пустит в такую стрелу? Нашлись охотники. Всем остальным Модэ в тот же день отрубил головы. А ведь сам-то — кто? Мальчишка! На другое утро он поставил перед воинами коня — его подарил ему сам Тоумань. Вот в этого-то коня выстрелили все.

— Нехорошие вещи рассказываешь, — подал голос кто-то из сидящих, — уж как я боюсь юэчжи, а темник наш, пожалуй, пострашнее будет. Он…

Тут заржали кони, не дав ему закончить, из темноты полетели стрелы, одна из них вонзилась говорившему чуть пониже воротника, он коротко взвизгнул и повалился в костер. Еще одна проткнула другому хунну живот.

— Эй, собаки! — донеслось из темноты. — Вы захотели нашу землю? Так отведайте сперва наших стрел!

Но хунну уже были на конях. Все их страхи выветрились. В руках у них были тугие луки и стрелы с железными жалами. Они выстрелили почти одновременно, юэчжи сорвались и помчались прочь. Хунну кинулись было в погоню, но почти сразу отстали — юэчжи, словно лисы, затерялись среди весенних трав.

Один из хунну клялся потом, будто разглядел при свете звезд исполинского всадника верхом на туре…

***

Грузовичок прыгает по узкой горной дороге, дразнит одним своим бортом пропасть и холодную реку внизу. В кузове, затянутом брезентом, все дышат пылью и газом, а чтобы не задохнуться, натягивают футболки на лица. Кто-то справа от меня плюется и матерится, я слышу нервные смешки. Только Музыкант не закрывает носа: он откинул краешек брезента и курит как ни в чем не бывало. Он поставил голую ногу на бортик. Волосы на ней блестят на солнце, словно стекловата. В экспедиции Музыкант — волонтер, как и я.

Напротив сидит Специалист. У него лицо разжигателя войны — плотное, сытое лицо сорокалетнего мужчины. В нем есть что-то микенское. Линии глаз и носа создают сосредоточенность, даже заостренность. В этих чертах видно

бычье добродушие, спокойствие сильного человека: Специалист — бывший боксер. У него большие руки с опухшими костяшками пальцев. Такой вот человек — пополам от Черчилля и от циклопа.

Справа от Специалиста бледная тень — вздорный жилистый завхоз Кузьмич. У него круглая маленькая голова на индюшачьей шее. По шее гуляет острый кадык. Протуберанцы сальных волос торчат на висках, лысый красный лоб блестит от пота. На носу очки, в уголках линз завелась плесень. Он сидит на жестяном ведре, тонкие руки перекинуты через колени, как колодезные журавли. Руки у завхоза сухие, костлявые, некрасивые. Он говорит всем, что это трудовые мозоли. Специалист считает, что это псориаз.

Вот встал грузовичок — приехали на место. Прыгаем с борта на землю, тащим инвентарь. У Специалиста инструмент особый — красные измерительные рейки и плотная кожаная сумка на ремне, у нас попроще — ломы, лопаты и кирки.

Терраса спускается от дороги к реке. Но реки не видно — у самого берега поднимаются выщербленные скалы и тянутся узловатые березы, похожие на останки допотопных чудищ.

— Пошли, — кивает привычно Специалист, сходит с обочины и исчезает в траве. Мы видим только рейки, скрещенные за его спиной. Плотной вереницей мы идем за ним, спотыкаясь о камни и звериные норы. Всякий раз мы прокладываем к курганам новые тропы, и всякий раз трава поднимается, скрывая наши следы.

Наконец поле обмелело, из земли показались древние плиты, облепленные рыжим лишаем. Шесть больших каменных колец, в середине каждого курган — темный бугорок в траве. И еще четыре кургана без колец — их вовсе не видно издали, а вблизи — просто каменистые выступы, разбитые кустами дикого крыжовника.

Трава здесь пахнет странно — не пылью и бензином, как следует пахнуть городской траве, а чем-то приторным, острым и сладким. Этот запах неприятен — он щекочет ноздри и остается в глотке кислым осадком.

Свалили инструмент, Специалист суетится, измеряя и размечая курганы. Мы сидим на теплых валунах. Ветра нет — воздух повис тяжело. В пустом небе широко ходит ястреб.

— Сделаете этот курган аккордом, — Специалист смотрит поверх голов копателей. — Раздернуете и разбросаете эту насыпь до обеда — вечером свободны.

Застучали лопаты. Кустарник поддается с трудом, приходится разбрасывать камни, чтобы добраться до корней. В корнях живут шмели и медные ящерки.

Вы знаете, что древние могилы пахнут пекарней? От раскопанной земли исходит аромат теплой выпечки, валуны похожи на горячие хлебы.

Лучше всех работает Этнограф. Это коренастый плечистый казах с добрым и обидчивым лицом. Он бывает на курганах каждый день — так уж получилось, что другой работы здесь у него нет. Поначалу он ходил в теленгитскую деревню, говорил с местными. В полевом дневнике своем он отмечал, что народ в долине пьет и быстро деградирует. Шестнадцать лет назад на реке должны были поставить электростанцию, долину затопить, а всех жителей переселить в город. Деревенские побросали хозяйство и, пока суд да дело, начали пить. Они пили, когда стройку сперва заморозили, а затем перенесли в другое место — вверх по течению на тридцать километров. Они пили, когда про электростанцию забыли вовсе, и дорогу, проложенную для строительства, разбил бурьян. Шестнадцать лет протекли над долиной незаметно. Жизнь в ней прекратилась, осталась только полужизнь.

Обычно Этнограф возвращался из деревни под утро, с трудом переставляя ноги, — настолько он был пьян. Он плакал, когда записывал наблюдения, чернила размывало, он вырывал страницу за страницей и писал опять. Наконец в один из дней он смастерил из дневника флотилию корабликов и пустил вниз по реке. Один за другим кораблики, подхваченные течением, выплыли на стремнину и отправились на дно.

С тех пор Этнограф выезжал на курганы вместе с волонтерами. Он работал весело и зло, выворачивал из земли валуны, вырывал с корнем крыжовник. У него были сильные полные руки и короткие пальцы. Человек с такими пальцами не может сидеть без дела.

Перерыв. Постелили плащи, расселись. Курим папиросы (сигареты кончились на прошлой неделе), пьем медицинский спирт, разбавляя всегда в разных пропорциях — как неопытные алхимики. Водки на курганах отродясь не видали.

Обмотав зачем-то вокруг своей индюшачьей шеи шарф, осторожно почесывая искалеченный нос, Кузьмич сидит на корточках, угрюмый и трезвый. Вчера его побили крепко, кулаки Специалиста здорово погуляли по его лицу. На

переносице сочится красная дужка, и кончик носа смотрит влево.

Обычно Кузьмич пил красиво — наливал полную, выпивал залпом, прикладывал к ноздрям корку черного хлеба и запрокидывал голову назад, как цапля. Но вчера Специалист обнаружил, что из погреба пропала вся тушенка, и сломал казенную лопату о его спину. Поэтому завхоз не прикладывает больше к ноздрям корку и не запрокидывает голову. Теперь он бросает в кружку, в простую воду, рафинад и размешивает ложкой.

«Плохо разметил, — ворчит Кузьмич, когда Специалист не может его слышать. — Половина насыпи за квадратом. Настоящий археолог выходит утром на середину кургана, выжирает бутыль водки и падает — “здесь и копайте”. И никогда не ошибается».

Время идет, становится тоскливо. Пар поднимается от земли, унося хлебный дух. Остается только желтая глина. Я не участвую в разговоре, только глотаю снова и снова острое, горькое пойло. Закусывать нечем. Приходится подолгу переводить дыхание.

— Так ты писатель, что ли? — снисходительно улыбнулся Специалист.

Это он меня спросил. Это опасно. Я покачал головой.

— А я слышал, что писатель. Бумагу мараешь, — продолжал улыбаться разжигатель. — И что ты все высматриваешь? Что глядишь по сторонам? Зачем приехал?

Что я мог ответить ему? Зачем я приехал? В ту минуту я с трудом мог сформулировать причину — а сейчас не смогу связать и двух слов, — настолько неясной была моя цель. Многие годы меня терзал один смутный вопрос. Он касался сферы важной и не выразимой простым языком. Для того только, чтобы изложить его, требовались новые слова и новые звуки.

Полгода назад я впервые услышал историю о пропавшем археологе и решил, что обнаружил наконец отправную точку для своих поисков. Так я стал волонтером на объекте Караташ-5.

Три месяца я работал в экспедиции, пытаясь узнать подробности через участников истории. Лето прошло. То, что казалось поначалу удивительным и занимательным, сделалось пресным и знакомым. Даже медвежьи следы на прохожей тропе. Даже скала, повисшая над разбитой дорогой, — огромная каменная щепа, вонзившаяся в гору своим острием. Непривычны были только люди — каждому из них я

удивлялся, как и в первый день. Возможно, это были люди простые и вполне заурядные, но чутье мое уже обострилось, и в каждом я видел ценную часть истории, каждый содержал в себе особенную прелесть. Я взял за правило ни о чем не расспрашивать — только наблюдать за ними. Предмет моих поисков все это время был отделен от меня тонкой, почти прозрачной преградой. Я мог видеть только размытые очертания этого «нечто» и приблизительно представлять его, но оно все равно было недоступно моему прямому наблюдению.

— Х…ло ты, а не писатель, — проворчал Специалист ласково.

1

Утром отряд остановился возле колодца, и молодые волки смогли наконец попить. Солоноватая вода из колодца избавляла от жажды и нагоняла сон. Ашпокай опустился на шею лошади и закрыл глаза, бессильно свесив руки. Кто-то из товарищей больно толкнул его в бок, и Ашпокай беспомощно и сонно вздернул голову и выругался, вызвав у всех смех. Он тоже засмеялся, глядя на товарищей, на их лица, на белые зубы, на истлевшие рубашонки на их плечах, распахнутые, как всегда, растрепанные ветром.

— Дааа… давно я не пил кобыльего молока, — вздохнул Соша.

— Эх, скорей бы река, а то меня вошь заела, — заныл Инисмей.

— Вошь? Тогда вода тут не поможет, — насмешливо отозвался Соша. — Старики говорили, нужно коровьей мочой умываться.

— Хех… — Инисмей скривился. — Врешь, болотная крыса...

Соша приблизился и отвесил ему смачную оплеуху. Инисмей засопел и втянул голову в плечи.

— Нечего лаяться, — улыбнулся Ашпокай. — Соша правду сказал, я тоже слышал… мочой надо.

— Мочой! Коровьей мочой! — загалдели со всех сторон мальчишки.

— Ну вас всех, — огрызнулся весело Инисмей.

Тут Михра коротко свистнул. На стоянке сразу наступила тишина. Все смотрели на Михру. Сейчас на лице его не было страшной зубастой маски из лосиного рога, и все видели розовый шрам, расчертивший его левую щеку от уголка рта до уха. Вместо кожи на щеке была нежная мякоть с чуть темными краями — след от хуннской стрелы.

Михра самый старший в своре молодых волков, все остальные — мальчики, всего десять душ, смуглые, тонкие, всегда голодные.

Недавно они принесли Клятву. Ашпокай хорошо помнил эту ночь: на княжьем кургане, в горьком дыму костров, они стояли, обнажив тощие груди с черной россыпью татуировки. Михра ходил меж ними, как злой дух, освещая их лица светом головни. Он читал молитву на древнем наречии. Он сам был еще молод, этот Михра, мальчишки звали его Старший Брат. Ашпокаю он и вправду приходился братом… Когда появились все огни в созвездии Лося, Михра затушил

головню и чиркнул по груди каждого мальчика сажей — там, где сердце. Это был знак, что отныне они выжгли из своей груди жалость к врагу. Мальчик, которого касалась головня, произносил слова Клятвы: «Пришло время, и псы поднялись против хозяев. Воля псов — это воля железа и единства. Нас мало, между нами нет мира, псов же — черные реки, и реки эти уже текут по нашим пастбищам. Мы должны стать призраками, ночными духами — пусть псы боятся спать. Мы будем находить и разорять их кочевья. Мы будем засыпать и отравлять колодцы, вытаптывать луга. Пусть псы дохнут от голода, пусть грызется их свора. Солнцем и огнем клянусь умереть, но истребить врага».

Мальчики стали воинами. Отныне они охотились на хунну.

Вчера выдалась удачная охота.

— Мы убили двух бешеных псов, — говорил Михра мальчикам. — И еще одного, за ночь до того. Но они перегрызли всю нашу семью, нашу с Ашпокаем. Ваши семьи тоже пострадали, поэтому вы здесь. Скажите, кто-нибудь почувствовал жалость к этим псам?

— Нет! Нет! — закричали мальчики. Ашпокай старался кричать громче всех.

— Паралат слаб, паралат сносил все зубы, ему псов не победить, — продолжал Михра. — Только на вас вся надежда. Учитесь стрелять, пока я жив. Скоро, чувствую, вам придется охотиться без меня.

Мальчишки смущенно переглянулись. Они и представить боялись, что Михра погибнет. С ним, с этим могучим воином на рогатом коне, они были маленьким войском, без него — горсткой голодных детей.

— Я не бессмертен, — сказал Михра спокойно. — Вчера одна из стрел просвистела рядом с моей шеей. Возьми этот пес на полволоска влево…

— Куда там! — крикнул Павий. — Они же все раскосые!

Ответом ему был дружный гогот. Ашпокай тоже смеялся, хоть он знал о хунну не меньше Михры. Он знал: стоит бояться этих странных раскосых людей с медными плоскими лицами.

Перекусили. Со вчерашнего дня осталось еще немного ячменных лепешек да пара кусков отверделого сыра. Кто-то ворчал, мол, что за еда — лепешки? Давно не пробовали молодые волки мяса.

Ашпокаю нравилось смотреть, как Михра ест, — сильные челюсти работали, перемалывая сыр, взгляд был устремлен на

восток, на золотистую кромку холмов.

Род Ашпокая и Михры жил просто. Для стрел своих они использовали костяные и кремневые жала, жили в небольших шатрах из дерева и войлока. Кочевали вслед за луной по своей земле и гнали перед собой шесть тысяч овец да небольшой табун лошадей. В том роду мужчины сидели на голых конских спинах, как в седую старину. Так и жили они из года в год. А потом встретился им на лунной дороге зверь-перевертыш. Невиданный зверь, не волк и не лисица — чужак, хунну.

Знал этот чужак только одно слово: «Мое». Овечьи отары — мое. Лошади — мое. Женщины — мое. Драться пытались люди холмов, да вот стрелы у хунну были железные и медные с глиняными свистками. Нападали они всегда слаженно, и ничего нельзя было понять из-за свиста их стрел. Так и разбросало род Ашпокая по холмам, затерялись люди в густой душной траве, и в три месяца остались они с Михрой одни. Ашпокай поначалу плакал горько по тем, кто спал теперь в земле, укрытый ковылем, но Михра сказал брату: «Не плачь. Они там по нам плачут еще горше. Нам нужно ехать на собрание племен. Скажем, чтобы поднимались наши люди на войну».

Ашпокай повидал паралата вблизи — худого человека в высоком красном колпаке, с тонкими золотыми крыльями — знаком небесного покровительства. Лицо его было черное, сморщенное, как у старика. Прежде времени сожгла его степь, оставив что-то сродни головешке.

Это было на шумном собрании, на пестром ковре, под разноголосый гомон старейшин. Михра въехал в их круг на вороном Рахше и встал перед паралатом так, что конь ступил передними копытами на персидский ковер.

— О, Великий! Хунну напали на мой род, — говорил Михра. — Они растоптали наше кочевье и согнали на наши луга своих овец. Великий! Вели собрать большое войско.

Паралат смотрел на Михру недоверчиво, зло. Отчего-то испугался он этого огромного воина на рогатом коне, лицо его исказилось, верхняя губа приподнялась, как у злобного пса, и стали видны зубы цвета гипса.

— У нас в плену их царевич, — сказал он, — хунну не посмеют…

— О, Великий! — из толпы выскочил тучный человек с обвислыми усами, бледный, как сырная голова. Он с первого взгляда стал гадок Ашпокаю. На бегу человек сорвал с головы башлык и бросил на землю: — Великий, я виноват!

Царевич Модэ бежал! Пять дней, как бежал! Я все боялся тебе сообщить. Он задушил охранника и увел одного из моих коней.

— Пошел прочь! — закричал паралат и еще больше потемнел лицом. — За мальчишкой не мог присмотреть! Ты мне не родня теперь! Овец пасти будешь!

Тучный человек был Малай — один из младших братьев паралата, сотенный воевода. В один миг потеряв всю свою власть, он пополз задом от царского ковра, и сидевшие сзади старики отворачивались, отодвигались от него.

— Беда пришла, — паралат встал и направился в шатер.

— Подожди! Постой! — кричали всадники.

— Вернись! — выкрикивали старики.

— Скажи, что нам делать! — сказал громко Михра, и его паралат услышал.

— Мы будем ждать, — ответил он. — Хунну не пойдут на наши холмы. Нечего им здесь делать. Уберутся восвояси. А если сунутся… мы им покажем. — И паралат поднял кулак с желтой сухой кожей, с просвечивающими белыми костяшками.

И все закричали радостно, наперебой, потому как паралат был паралатом и все верили ему и его кулаку. Только Михра не кричал. Он молча повернул коня и выехал из круга старейшин. Ашпокай последовал за ним.

Паралат верно сказал про беду. Вскоре стряслось такое, что и старики не могли припомнить ничего подобного.

А все случилось оттого, что паралат был отходчив и имел слабый нрав. Не отправил он Малая пасти овец, а напротив — снарядил ему отряд в двести луков да и послал на дальние курганы, на самую границу с землей хунну. Там собралась еще сотня пастухов, охочих до драки.

Во главе своего маленького войска Малай мчался по степям гордым зверем. Пастухи прятали дочерей. Стоянки пустели, едва появлялся вдали отряд Малая. Много грабил брат паралата, много шумел и гулял.

Но когда наступила весна и из далекой холодной пустоши показались первые хуннские разъезды, не стало Малая. Исчез он так быстро, как только и мог исчезнуть в степи трус на коне. Рассказывали, что будто бы на другое утро из морозного тумана появились всадники на коренастых мохноногих конях, но никто не трубил, не бил в воеводский бубен. Малая не стало, а разбойники его только робко переглядывались да переговаривались, что надо бы выехать вперед, сыпануть по хунну легкими костяными стрелами. А

потом, словно им кто невидимый отдал приказ, побросали на землю свои пестрые башлыки, сорвали с лошадиных морд золоченые маски и помчались в разные стороны. Хунну пришли и ушли. А затем, через пару недель, наведались снова. И опустели степи… На земле от кочевий — только пепельные пятна, в колодцах плавает конский навоз, на курганах страшные пугала из бараньих костей и черного тряпья. Пусты пограничные холмы — кто бежал от хунну, а кого и в землю втоптали. Пусто, холодно. Только кажется, что зовет кто-то тихо: «Михра… Михра…»

Был такой в старину богатырь — или бог, — Ашпокай уже и не помнил. Прежде слышал он от стариков про него разные сказки, да позабыл почти все, только слово одно в памяти осталось — «Михра». «Михра» — значит «друг», «Михра» — значит «Солнце». А для Ашпокая слово это значит еще и «брат».

Брат рослый и плечистый, волосы у него белые, длинные. Ашпокай завидовал таким волосам — сам он рыжий, рябой, совсем нескладный. Но завидовал по-доброму, вздыхая про себя, как хорош его брат, и думал, что скакать подле него на охоте и в бою — уже большое счастье.

Его снедала другая зависть, и она порой теснила в уме Ашпокая даже братскую любовь, — Рахша, конь-великан, носящий рогатую маску. На нем Михра как бог с наскальных рисунков или богатырь из забытой легенды. В нем необъяснимая тоска, страшная тьма шагала за ним по пятам. Иногда Михра становился мрачен, как скала после дождя. В глубине его глаз что-то билось и рокотало, обливалось темной кровью. Он со смертью был одного племени, но из всех молодых волков только Ашпокай до конца понимал это.

— Вот что, — сказал Михра громко, так что мальчишки встрепенулись и Ашпокай опомнился от раздумий, — нам здесь ждать больше нечего. Охота наша — дело хорошее, но так нас скоро постреляют, как зайцев. Земля эта разорена. Пропавшая земля. Говорят, князья-биверeспы собирают большое войско в Белой степи. На восток пойдем, больше — чего ждать?

К нему подъехал стройный темный Атья и тихонько сказал:

— Я-то поеду с тобой. И еще пятеро-шестеро. Мы-то молодые волки. А эти вот — волчата-слепыши. Куда им в войско? Как с ними быть?

— Слепыши, говоришь? — Михра вдруг по-разбойничьи гикнул и налетел на своем Рахше на толпу мальчишек, схватил одного, поменьше, с коня и ловко усадил перед собой. Остальные шарахнулись со смехом в стороны.

— Ты, что ли, слепыш?

— Нет, пусти! — мальчик смешно завозился, тявкнул и вцепился Михре в руку, так что кожа на месте укуса побелела.

— Гляди… больно кусает, — крикнул Михра. — Больно, да не до крови. Только кожу помял до синевы. Значит, и вправду волчонок. Отрасти себе зубы, волчонок, а то бросим в степи. Верно, Атья? Бросим?

— Отчего же… — смутился Атья. — Я просто…

— Просто он! — лицо Михры стало вдруг серьезным. — А куда мне их девать? Некуда, сам видишь — пусто кругом! Так что едем все — и волки, и волчата. Глядишь, в пути и волчата подрастут! Едем! Ууу-у-у-у!

2

Человек стоял на замшелом шишковатом камне и, казалось, не замечал приближения всадников. Был он небольшого роста, на худых плечах его висело холщовое платьишко, за спиной торчал тонкий шест с двумя пустыми тыквенными флягами. Они сухо постукивали на ветру. На голове человека был потертый шерстяной колпак, из-под которого торчали засаленные патлы. Лицо, перекаленное степным солнцем, с узкими хитрыми глазами и темными, печеными скулами выдавало в нем жителя Поднебесной. На сыромятном ремне висел короткий меч-дзянь — любимое оружие разбойников и странствующих мудрецов.

Он стоял на камне, как сгорбленное, засушенное ветром деревце, и словно не замечал тринадцати страшных людей, подъехавших и окруживших его.

Модэ поздоровался с незнакомцем, тот улыбнулся и кивнул в ответ.

— Это отшельник из Поднебесной, — тихо сказал темнику Курганник. — Не слушай, что он говорит. Не верь ему. Он видит и знает больше других.

— Ты у нас сам известный колдун, — отмахнулся Модэ. — Ты да Харга. Что этот человек может сделать мне?

Про себя же он подумал, что Курганник, конечно, прав и что жителям Поднебесной нельзя доверять ни в коем случае. Немало мыкалось в степи разного беглого люда — разбойники и конокрады, проворовавшиеся чиновники и убийцы уходили из Поднебесной в степь, потому что «у хунну весело жить». Одних степняки убивали, других принимали в свои стаи. От этих — жестоких и смелых — пахло кровью и сажей, в них был драконий дух, они были почти что хунну, одной с ними масти.

Но этот странник… другим был. И чем от него пахло, Модэ не мог разобрать.

— Здравствуй, добрый человек! — начал разговор сын шаньюя. — Скажи, что ты думаешь о наших краях?

Он говорил тихо, на языке Поднебесной, стараясь правильно выговаривать каждое слово.

— Очень ветрено, — легко ответил незнакомец на языке хунну. — Ветрено и пыльно. Ночью пожалуй что и холодно.

— Ты ночуешь под открытым небом? — заботливо улыбнулся Модэ. — Нельзя так, добрый человек! Здесь много диких зверей. Пойдем лучше со мной. У меня во-о-он за той

горой кочевье. Там тепло, есть кумыс и женщины. Ты любишь женщин?

Старик ухмылялся, застенчиво склонив лицо. Это была игра, конечно. Но ему, видно, нравилось играть с чернявым юношей из племени людоедов.

— Дай ему одного из моих коней! — велел Модэ Карашу.

Караш повиновался, не поднимая на господина угрюмый свой взгляд. Он от рождения не имел способности говорить, все звуки, которые он издавал, были похожи на медвежье рычание. И силен был Караш, как медведь. Голыми руками рвал на куски живого барана. Из всех людей его только да еще, пожалуй, отца боялся Модэ.

Странник ловко уселся на коня, и они направились к черному отрогу.

— Скажи, добрый юноша, а кто твои друзья?

— Они мне не друзья, — гоготнул Модэ, — это мои… забыл слово… как в Поднебесной называется… гончие псы!

Незнакомец довольно кивнул, словно что-то прояснив для себя.

— Я не заметил, извини. В наших краях собаки не ездят на лошадях и ведут себя совсем по-другому. Но теперь я вижу: это действительно собаки. Правда, не знаю их масти.

Курганник остановил на нем длинный взгляд, но промолчал. Кто-то ощерился, но засмеялся только Модэ.

— Если ты будешь говорить такие вещи про моих людей и впредь — оставайся. Я буду платить тебе жалованье, — давясь от смеха, выговорил он. — Живи у меня сколько хочешь. Если, конечно, мои гончие не загрызут тебя ночью!

— Не бойся. Я буду с тобой сколько нужно, — спокойно ответил путник.

Вот доехали до княжьей стоянки. Хунну стреножили коней, скинули одежды и завалились в большой шатер. В нем было душно, дымно — от каменного алтарика струился конопляный дурман, голая кожа хунну отливала желтым маслом.

Здесь странник назвался Чию. Модэ усадил его возле себя и угощал вареным барашком. Масленое, рябое лицо Модэ с прочернью татуировки довольно растянулось, даже глаза он прикрыл, наслаждаясь одурью.

— И как бы так сделать, чтобы совсем не умирать? — спросил он вдруг благостно. Мысль эту он выхватил из горячей путаницы других мыслей и смаковал теперь то, как она прозвучала.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru